

Поток сознания в романе является своего рода шкалой, по которой мы отслеживаем психическое состояние главной героини. Повествование от первого лица позволяет читателю наблюдать за формированием мыслей. Тому же способствует наличие «крупного плана» в романе. Сопоставляя сюжет романа с развитием синдрома деменции, можно условно разделить повествование на три этапа – начальный, средний и поздний. Спутанность сознания и другие симптомы деменции прогрессируют соответственно указанным этапам. Также можно разделить повествование на две части – от лица ребенка (более четко и детально) и от лица пожилой Мод (сумбурно, не может долго удерживать линию повествования).

В тексте часто присутствуют метафоры и ассоциативные названия, которые характерны для людей с деменцией, но читатель может рассмотреть в них дополнительные смыслы. В тексте присутствуют несколько повторяющихся образов, которые условно можно разделить на «раскопки», «пазл», «время», «лису» и др. Так же можно встретить большое количество ассоциативных названий действий и предметов, которые вполне характерны для людей с подобным синдромом. Среди прочих можно различить и «физиологические метафоры», которые позволяют приблизиться к чувственному восприятию персонажа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Хили, Э. Найти Элизабет / Э.Хили; пер. с англ. А.В. Башуев. – М.: Эксмо; Москва; 2014. – 148 с.

ГНОСТИЧЕСКИЕ ТОПОСЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ФРИДРИХА НИЦШЕ

GNOSTIC TOPOS IN THE OEUVRE OF FRIEDRICH NIETZSCHE

Е.К. Сельченок

Elena Selchenok

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Belarusian State University, Minsk, Belarus

e-mail: elena.selchenok@gmail.com

В статье рассматривается судьба гностических идей в немецкой культуре конца XIX века на примере анализа рецепции гностических топосов в творчестве Фридриха Ницше. Автор обосновывает влияние гностицизма как элитарного учения на идейно-социальную направленность творчества Ницше, влияние гностических спекуляций на формирование идеи политического господства избранных. Автор обосновывает трансформацию гностических топосов, которая привела к посте-

пенному изменению романтического понимания гнозиса как поэтического дара к пониманию гнозиса как социального творчества.

The article discusses the fate of Gnostic ideas in the German culture at the end of the 19th century by examining the analysis of the reception of Gnostic topos in the oeuvre of Friedrich Nietzsche. The author substantiates the influence of Gnosticism as an elite doctrine on the ideological and social orientation of Nietzsche's creativity, the influence of Gnostic speculation on the formation of the idea of political domination of 'the few'. The author substantiates the transformation of the Gnostic topos, which led to a gradual change in the romantic concept of gnosis from understanding it as a poetic gift to the gnosis as social creativity.

Ключевые слова: гностицизм; гнозис; топос; Сверхчеловек; Заратустра; Фауст.

Keywords: Gnosticism; gnosis; topos; Superman; Zarathustra; Faust.

Введение. В современном гуманитарном образовании при рассмотрении культуры как целостности актуальна тенденция к переосмыслению ранее установленных причинно-следственных связей. В связи с этим перспективным можно считать изучение культуры через призму топосов культуры – культурных констант, которые определяют облик культуры на протяжении ее развития. Поиск таких оснований позволяет установить новые причинно-следственные связи и увидеть привычные явления с неожиданного ракурса. Топосы гностицизма, обнаруженные нами на разных этапах развития германской культуры, присутствуют и в творчестве Фридриха Ницше, которое является связующим звеном между романтизмом и культурой рубежа веков. Философ так и не изжил свой романтизм, но выразил мысли уже иного времени. Именно в его работах гностические топосы нашли свое специфическое преломление и изменили свое наполнение в контексте немецкой культуры.

Основная часть. Духовная атмосфера Германии конца XIX в. была насыщена ожиданием грандиозных перемен: «Рубеж веков – это эсхатологическая заостренность, апокалиптические предчувствия, понимание того, что современная западноевропейская цивилизация вплотную приблизилась к своему концу» [12, с. 174]. По словам Р. Штайнера, рубеж веков породил немислимое «число «безродных душ», ставших питательной средой тео- и антропософий» [4].

Источники вдохновения Ницше – греческая культура (в том числе и философия), творчество И.В. Гёте и Р. Вагнера, сочинения которых насыщены гностическими образами (подробнее о рецепции гностицизма в «Фаусте» см. [15]), потому уже само это сочетание в рамках исследуемой темы предопределяет усвоение, пусть и субъективно трансформированное, гностических топосов.

На наш взгляд, исходя из исследованного нами гностического мировоззрения и преломления его наследия в последующей культуре, в творчестве Фридриха Ницше нашли отражение следующие гностические топосы: поиск и обретение тайного знания о Боге и мире (гнозиса) через возвращение ему утраченной полноты (TI); неразрешимый, извечный конфликт как результат напряженной, дуалистически заостренной нетождественности верхних и нижних ступеней иерархии многомирия (TIII); стратификация человечества сообразно причастности к духу (TV); социальная организация как последовательное проецирование на общину избранных структуры зона (TVI); эсхатологическая мотивация индивидуальной активности (TVII) (подробнее о топосах см. [14]).

Ницше считал «знание» инструментом власти, а саму власть он понимал как внутреннее качество человека, нечто, заложенное в нем изначально, что можно и нужно развивать тем, у кого это есть (TI,TV): «Жажда знания, воля к знанию, зависит от воли к власти, т.е. данного вида стремления существа овладеть определенной областью действительности и поставить ее себе на службу. Целью познания является не знание в виде схватывания абсолютной истины ради нее самой, а овладение», – отмечает Ф. Коплстон [5, с. 455].

Согласно этому Ницше проповедовал понятие «восходящей жизни» и, соответственно, выделял людей, которые причастны этой «восходящей жизни» в противовес тем, кто не причастен к ней и не может быть причастен: «Я различаю тип, представляющий восходящую жизнь, и тип, представляющий упадок, разложение, слабость» [5, с. 460] (TV). При этом власть (для которой служит «знание») не является признаком причастности этой «восходящей жизни», из чего можно сделать вывод о том, что Ницше допускал разные типы власти – физическую и ту, источником которой и являлось то самое «знание»: «И даже если большинство посредственностей, собранных вместе, более могущественно, оно, с точки зрения Ницше, не представляет восходящую жизнь» [104, с.460]. Таким образом, ценность определяется по иным критериям – с точки зрения духовного могущества, духовной власти (TV). «*Хорошие суть каста, дурные – масса, подобная пыли*»₂ – пишет Ницше в работе «Человеческое, слишком человеческое» [9, с. 69]. И различие между этой особой кастой и всеми остальным очень велико: «То, что служит пищей или усладой высшему роду людей, должно быть почти ядом для слишком отличного от них низшего рода» [8, с. 49].

В поэме «Так говорил Заратустра» появляется понятие «высших людей»: «...на базарной площади никто не верит в высшего человека... Перед чернью мы не желаем быть равными. *Высшие люди, удалитесь с базарной площади*» («Так говорил Заратустра»). Представление о час-

ти людей как об избранных прямо соотносится с идеей стратификации человечества сообразно причастности духу, с представлением гностиков о пневматиках: «Каждый избранный человек инстинктивно стремится к своему замку и тайному убежищу, где он избавляется от толпы, от многих, от большинства, где он может забыть правило «человек» как его исключение» [8, с. 44]. Потому что «человек» в данном случае соотносим с душой, с земным воплощением, ограниченным, тогда как «избранный человек» стремится к большему – тому, что находится за пределами этого мира и стремление к чему заложено в нем изначально от рождения – у духу, к Сверхчеловечеству. Соответственно, те, кто не подходит под определение великого, оказываются просто людьми, чей удел лишь презрение. По самой характеристике человека как такового Ницше приближается к представлению гностиков о соматиках (хиликах): «Человек, это многообразное, лживое, искусственное и непроницаемое животное, страшное другим животным... (...) ... и мораль есть не что иное, как смелая и продолжительная фальсификация» [8, с. 217]. С представлением о пневматиках согласуется и то, что, согласно Ницше, антропологически и биологически не каждый человек имеет потенциальную возможность к самоопределению.

Ницше делит человечество на «рабов» и «господ» и соответственно выделяет «мораль рабов» и «мораль господ» [8, с. 192], тем самым вновь обнаруживая деление на избранных и неизбранных и разницу в правилах, для одних и для других (TV). В данном случае стратификация человечества идет сообразно причастности к власти. «Знатный», «благородный» в сословном смысле всюду выступают основным понятием, из которого развивается «хороший» в смысле «душевно знатного», «благородного», «душевно породистого», «душевно привилегированного» [8, с. 240]. По его мнению, возлагать надежды можно только на аристократию. Ницше пользуется понятиями «свободных» и «связанных» умов, где первые руководствуются традициями и правилами, а другие мыслят иначе, обладают «инстинктом распознавания ранга», которые и является признаком высокого ранга. Получается, что те, кто считают себя избранными, уже являются таковыми (созвучно тому, что проповедовал Жан Кальвин о вере в собственное предопределение к спасению как обязательном условии этого спасения): «Кто будет ставить себе задачей исследование душ и занимается им, тот будет пользоваться в различных формах именно этим искусством для того, чтобы вполне определить ценность данной души, определить неизменный, прирожденный ей ранг: он будет подвергать ее испытанию со стороны инстинкта почитания» [8, с. 200]. Анализируя древние общества (полисы), Ницше обращает внимание на «культивирование породы» и подчеркивает, что эти

самые избранные обособляются от остальных, «строгие, воинственные, мудро-молчаливые, живущие сплоченным и замкнутым кругом» [8, с. 194]. Объединение «высших» перекликается с республикой гениев, о которой говорил А. Шопенгауэр: «Один гигант призывает другого через пустынные промежутки веков, и над головами неугомонных и шумных пигмеев, копошащихся вокруг них, – ведется благородный разговор великих умов» [цит. по 18, с. 227]. Таких людей он уподобляет «священному сосуду», «драгоценности, извлеченной из запертого хранилища», «книге с печатью великой судьбы» [8, с. 201]. Неотъемлемой чертой «знатной души» является эгоизм», под которым Ницше подразумевает «непоколебимую веру в то, что существу, «подобному нам», естественно должны подчиняться и приносить себя в жертву другие существа» [8, с. 142-143].

Для высвобождения тех, кто представляет «восходящую жизнь», необходимо разрушить имеющийся неправильно организованный мир и культуру: новые варвары должны разрушить нынешнее создание масс, чтобы стало возможно свободное развитие выдающихся личностей (TVII). Ницше полагал, что через насилие должен установиться «новый порядок», в котором элитарное меньшинство будет господствовать над массой остальных индивидов. «Новый порядок» видится ему как *«кастовая иерархическая система господства элиты избранных над массой посредственностей»* [11, с. 21] (TVI).

Себя же Ницше называет «последним учеником и *посвященным*» бога Диониса – «гения сердца, свойственного тому великому Таинственному», «гения сердца, который угадывает скрытое и забытое сокровище, каплю благодати и сладостной гениальности под темным толстым льдом и является волшебным жезлом для каждой крупницы золота, издавна погребенной в своей темнице под илом» [8, с. 218-219]. Как видим, погребенная в темнице крупница золота отождествима с «искрой» рейнских мистиков, с духом, с пневмой, являющейся частью иной жизни, и пробуждает ее Дионис. Именно гностики представляли Диониса как символ божественной частицы в человеке, т.е. его духа, который забыл о своем высшем предназначении [2].

Как истинный наследник романтиков, их ученик и оппонент, Ницше представляет в качестве родового преимущества, «искры духа», дающей безоговорочные привилегии, поэзию, творчество: «Чем мощнее в человеке творческий импульс, тем сильнее в нем поэт, мыслитель, создатель ценностей, тем выше его ранг среди людей, обусловленный количеством воли к власти в нем». «Мед поэзии», добытый Одином, и руны, начертанные на древке оружия (копья) соединяются в ницшеанском пред-

ставлении об избранности. Созвучно Гегелю, прекрасное становится у Ницше знаком «возвышающей жизни».

В этом ключе особое место занимает у Ницше концепция Сверхчеловека, который является «целью земли». Речь идет совсем не о том, что человек должен превратиться в Сверхчеловека, а о процессе естественного отбора. И для этого нужны усилия всех индивидов, представляющих «восходящую жизнь» (TVII): «Сверхчеловек не сможет появиться, если высшие индивиды не наберутся смелости для того, чтобы переоценить все ценности, разломать старые скрижали ценностей, особенно христианские скрижали, и создать новые ценности от избытка жизни и власти» [5, с. 461]. Не давая четкой характеристики Сверхчеловеку, он описывает его как «Римского Цезаря с душой Христа», т.е. объединяющего в своем образе светскую и духовную власть (TVI).

Ницше говорит о редко появляющемся в разных уголках мира «высшем типе» – «род сверхчеловека» [7, с. 191] – который может проявиться в целом племени или нации. По мнению А.Г. Аствацатурова «*мыслить сверхчеловеческое* означает мыслить сущее как волю к власти и вечное возвращение, что означает *мыслить свою экзистенцию как преодоление, превосхождение самого себя, мыслить себя в постоянном возвышении* над постоянно увеличивающейся угрозой сорваться в бездну, ибо чем выше человек поднимается над собой, тем глубже становится бездна» [1, с. 28].

В поэме «Так говорил Заратустра», Заратустра представлен в роли вестника, Посланника, который указывает путь к свободе и к себе. Хотелось бы обратить внимание, что фаустовское наполнение образа Заратустры нет смысла доказывать, поскольку эти образы сблизил уже сами немцы, например, Г. Гессе в своем докладе «Фауст и Заратустра»: «Подобно Фаусту, и Заратустра хочет показать человеку путь к Преодолению и Спасению» [3, с. 28]. Случаен ли выбор образа Заратустры? Если не учитывать общий существовавший в то время интерес к иранской культуре, то можно вспомнить о том, что «гнозис представляет собой позднюю ступень инфильтрации парского дуализма» [цит. по 16, с. 25].

Идея Сверхчеловека появляется уже в самых ранних сочинениях Ницше. Но его более конкретные характеристики он так и не смог сформулировать. Это «белокурая бестия», селекционер и санитар культуры, методично уничтожающий слабые человеческие особи» [6, с. 603]. Истинная самость не внутри, а вне существа, она не человеческая, но сверхчеловеческая. Во время создания «Заратустры» Ницше «сплавлял в нем наполовину идеалистические наполовину религиозные черты» [6, с.606].

Очевидно, что Сверхчеловек Ницше не взялся ниоткуда – налицо развивающаяся преемственность образа: «Гений» романтиков превращается в Гётевского «Сверхчеловека». По наблюдению А. Фулье, Ницше не будет знать этого страха, в котором упрекает Мефистофель Гётевского сверхчеловека – Фауста; он позаимствует у Гёте и имя, и вещь. В своем Фаусте Гёте устами духа отрицания проводит сравнение между традиционным правом и высшим правом, рождающимся вместе с нами. Это высшее право заключается в силах, которые мы носим в себе, в нашей высшей мощи, которая есть мы сами [18, с. 216].

Ницше считал церковь «варваризацией христианства» [8, с. 161]. По мнению К. Свасьяна, в «Антихристе» проявился «рискованный ракурс гнозиса» [16, с. 40]. Потому Ницше проклинает христианство в «Антихристе» с позиций первохристианства, доцерковного (частично, гностического) и, созвучно Оригену, «отстаивает символический (пневматический) статус христианства» [16, с. 36]. В отношении Ницше в фигуре Христа можно видеть «надысторичность явления и гнозис внутренних переживаний» [16, с. 37].

На наш взгляд, суть ницшеанской трансформации гностических топосов в низведении их на землю. Это заложило основы смещения романтического понимания гнозиса как поэтического дара (подробнее о топосах в культуре романтизма см. [13]) к пониманию гнозиса как социального творчества. «Устранение истинного мира не приводит к абсолютизации сферы конечных вещей. Новый онтологический принцип Ницше: подвижность всего сущего... Это имманентный смысл всего земного, преходящего. Это сама жизнь мира, игра созидания, разрушения, рождения, гибели и возвращения. Упразднение кажущегося и истинного мира – это возвращение миру и человеку их достоинства», – отмечает А.Г.Аствацатуров [1, с. 17]. Потому и возвращение происходит уже не к источнику в потустороннем мире, а к самому же посюстороннему миру – стремление сохраняется, но меняется объект. При том, что меняется поле действия, остаются дуалистические принципы: противостояние рабов и господ, несущих «восходящую жизнь» и не несущих, стремление к преодолению человеческого, стратификация людей и т.д. (ТШ, TV).

Идеи Ницше были подхвачены М.Штирнером. «В эгалитарной концепции, которой придерживаются Штирнер и Ницше, личность рассматривается как антипод массового индивида, как самоценное и самодостаточное существо, воспринимающее общество только как сферу приложения своей силы», – отмечает В. В. Панкратьев [11, с. 9]. Поскольку гнозис постепенно начал смещаться в сферу социального творчества, то и духовная сила Сверхчеловека обращается на общество.

«Суверенная личность» – человек с аутентичной структурой субъективности, осознающий уникальность и значимость своего самобытия. В отличие от массового индивида, свято выполняющего свой долг перед обществом, суверенная личность сознательно противопоставляет себя обществу, культивируя в себе свою самооценку и самодостаточность» [11, с. 9]. «Первоначально цель и смысл индивидуализации заключается в том, чтобы разрушить функциональную структуру своей субъективности, «очистив» себя от привнесенных «извне» социальным воспитанием ценностей и стереотипов поведения. Выражаясь словами Ф. Ницше, человек должен «создать в себе хаос» с тем, чтобы бесповоротно встать на путь обретения своей самости» [11, с. 12]. Так, в гностицизме предполагается презрение всех моральных и природных законов ради открытия в себе гнозиса. В данном случае понятие «самости» соответствует последнему.

Заключение. Таким образом, ставшие частью немецкой культуры гностические топосы, оформившиеся в результате усвоения европейской культурой идей и образов гностицизма, обнаруживаются в творчестве Фридриха Ницше. В результате их освоения в работах немецкого философа произошла трансформация гностических топосов в немецкой культуре, которая привела к постепенному изменению романтического понимания гнозиса как поэтического дара к пониманию гнозиса как социального творчества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Аствацатуров, А.Г. Сумерки кумиров, или Как философствуют молотом / А.Г. Аствацатуров // Ницше, Ф. Казус Вагнер. Сумерки кумиров. Антихрист. Ессе homo – М.: Олма-пресс, 2001 – 383 с. – С. 11-30.
2. Видеман, В.В. Платонизм и гностицизм [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://platonizm.ru/content/videman-v-platonizm-i-gnosticizm>. – Дата доступа: 15.03.2018.
3. Гессе, Г. Фауст и Заратустра // Theologia Teutonica contemporanea. Германская мысль конца XIX – начала XX в. О религии, искусстве, философии. – СПб.: СПбГУ, 2006 – 383 с. – С. 9-32.
4. Кондратьев, А.В. Религиозно-философские идеи движения фёлькиш: дис. ... степени канд. филос. наук. 09.00.13 – М.: МГУ.
5. Коплстон, Ф. От Фихте до Ницше / Ф. Коплстон; [Пер. с англ., вступ. ст. и примеч. В.В. Васильева]. – М.: Республика, 2004. – 541 с.
6. Марков, Б. Человек, государство и Бог в философии Ницше / Б. Марков – СПб.: Владимир Даль, 2005. – 788 с.
7. Ницше, Ф. Казус Вагнер. Сумерки кумиров. Антихрист. Ессе homo / Ф. Ницше – М.: Олма-пресс, 2001 – 383 с.
8. Ницше, Ф. По ту сторону добра и зла / Ф. Ницше. – М.: Олма-пресс, 2001. – 383 с.

9. Ницше, Ф. Человеческое, слишком человеческое / Ф. Ницше – М.: Олма-пресс, 2001. – 383 с.
10. Новалис. Гимны к ночи / Новалис – М.: Энигма, 1996. – 192 с. – С. 7-146.
11. Панкратьев, В.В. Феномен суверенной личности: социально-философский анализ (на основе интерпретации идей М. Штирнера и Ф. Ницше): автореф. ... канд. филос. наук: 09.00.11/ В.В. Панкратьев. – Улан-Удэ, 2001. – 23 с.
12. Пчелина, О. В. Д. Мережковский и А. Мёллер ван ден Брук: путь к Третьему царству / О. В. Пчелина // Философия. – 2011 – №3 – С. 173-181.
13. Сельченко, Е.К. Гностические топосы в литературе немецкого романтизма / Е.К. Сельченко // Вестник Академии Русского балета им. А.Я. Вагановой. 2019(2) – 165-179.
14. Сельченко, Е.К. Трансформация идей гностицизма в европейской культуре / Е.К. Сельченко // Актуальные проблемы гуманитарного образования : материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 18–19 окт. 2018 г. / редкол.: О.А. Воробьёва (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2018. – С. 474-484.
15. Сельченко, Е.К. Рецепция идей гностицизма в «Фаусте» И.В. Гёте / Е.К. Сельченко // Материалы докладов XIV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Москва, 2007. Режим доступа: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2007/19/selchenok_ek.doc.pdf. – Дата доступа: 15.09.219.
16. Свасьян, К. А. Антихрист. Проклятие христианству / К. А. Свасьян // Ницше, Ф. Казус Вагнер. Сумерки кумиров. Антихрист. Ессе homo – М.: Олма-пресс, 2001 – 383 с. – С. 30-46.
17. Светлов, Р.В. Античный неоплатонизм и александрийская экзегетика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.plato.spbu.ru/DISSERTATION/svetlov2.htm>. – Дата доступа: 13.02.2017.
18. Фулье, А. Ницше и имморализм / А. Фулье – М.: КомКнига, 2006. – 328 с.